



Елена Арсеньева

КОЛДУН С ОСТРОВА СМЕРТИ

Елена Арсеньева
Колдун с острова смерти

«Елена Арсеньева»

2017

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Колдун с острова смерти / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева», 2017

Сашка чувствовал себя потерянным. И несчастным. Может быть, поэтому с ним и начали происходить неприятности? Вернее, даже не неприятности, а так... странности. Вечер за вечером он оказывается в городском парке, на месте которого когда-то, говорят, было кладбище. Один на пустых дорожках... И тогда фонари гаснут, темнота принимает очертания человека в плаще, а большая круглая луна отваливается от небосвода, становится плоской, как блин, и падает прямо на Сашку... Вот ведь глупости, да? Только почему мальчишка никак не может вспомнить, что происходит дальше? И не может вечерами усидеть дома?

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е. А., 2017
© Елена Арсеньева, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Елена Арсеньева

Колдун с острова смерти

© Арсеньева Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Духов увидеть, коими наполнен воздух...
Гримуар Гонория

...Нетопырь резко спикировал и завис почти вплотную, так что Саша мог отчетливо разглядеть не только его лысую голову, на которой торчком стояли большие уши, но и жуткую острую морду. А потом нетопырь зацепился коготками за край лунного пятна – и поднял его в воздух вместе с распластавшимся на нем Сашей.

Как если бы это было не пятно света, а лоскут легкой шелковой ткани с нарисованным мальчишкой!

Нетопырь подлетел к человеку в черном, завис перед ним в воздухе, мелко трепеща кожистыми крыльями, и «нарисованный» Саша встретился взглядом с непроглядно-черными глазами.

– Имя, – прозвучал глухой, тяжелый, словно бы тоже черный голос, – день твоего появления на свет, место, где издавна властвовал вечный покой, знак смерти, который ты постоянно носишь с собой... Все совпало! Теперь ты мой помощник. Ты служишь мне, пока ночь владеет миром!

Он еще несколько мгновений рассматривал Сашино лицо, мрачно улыбаясь черным провалом рта, а потом пал на четвереньки, приник к земле – и, обернувшись черным рогатым козлом, поскакал куда-то с невероятной скоростью, почти не касаясь ни травы, ни асфальта.

Нетопырь, сжимая зубками бледный, обметанный черным лоскут, летел над ним не отставая.

* * *

– Слушайте, вот это классно! – вдруг заорал Макс, быстрым движением мышки выделяя на экране фрагмент текста. – Оказывается, какой-то греческий философ Анаксимандр уверял, будто Землю накрывает невидимая небесная сфера с дырочками, за которой всегда пылает огонь, то сильнее – днем, то потише – ночью. Это пространство называлось Эмпирей. Отсюда произошло известное выражение «витать в эмпиреях».

– Известное? – прогнусавил Егор. Он недавно перенес сильнейший насморк (Егор славился умением простывать летом) и до сих пор гундосил. – Кобу?! Бде, даприбер, одо деизвестдо.

– Ну теперь-то известно, правда? – подмигнул ему Макс. – А еще знаете какой крутяк я нашел? Оказывается, когда греки против турок восстали в 1821 году, они содействовали неприятелю! И доставляли ему свинец для пуль!

– Как это? – удивился Егор. – Предатели, что ли, среди дих завелись?

– Да нет! – азартно возразил Макс. – Турки засели в Акрополе – ну, это такое место историческое в Афинах, самое древнее-предревнее, Санька, наверное, там был, когда в Грецию ездил?

Саша качнул головой:

– Нет.

– Как так? – удивился Макс. – Быть в Греции – и не побывать в Акрополе?!

– Греция большая, – угрюмо ответил Саша. – Мы на Крите были, а не в Афинах.

– Ага, ты рассказывал, вы еще ездили на экскурсию на этот остров... как его... ну где прокаженные жили, – вспомнил Макс. – А в Лабиринте были? Ну где Тезей с Минотавром сражались?

– Лабиринт давным-давно засыпало при землетрясении, – буркнул Саша и пересел.

Он уже несколько раз пересаживался, чтобы не лезли в глаза фотографии на стенке. Смешные такие фотографии! Вот Витек на руках у отца. Витек младенец, можно сказать, а дядя Миша еще молодой, длинноволосый, как Мик Джаггер, зато без этой его устрашающей бороды. На втором снимке Витек первоклассник с огромным букетом белых астр в руках. Рядом его мама и папа – и бородаща уже тут как тут! Хотя все геологи бородастые, это у них вроде как фейс-контроль такой: дядя Миша уверяет, что, если нет бороды, не возьмут в геологи.

А еще рядом с Витьком стоит Саша – собственной персоной. У него тоже астры в руках, только синие. А рядом с родителями Витька – Сашины родители. Мама и папа... Улыбаются! Счастливые до ужаса!

Саша весь вечер пересаживался, чтобы на эту фотографию не смотреть, но она как заколдованная лезла и лезла в глаза.

У него раньше такая же в комнате висела. Точно такая же...

Но теперь не висит. Мама ее сняла и куда-то убрала. А может быть, и выбросила.

– Так что там с Акрополем и турками? – спросил Саша, чтобы отвлечь внимание ребят от своего очередного перемещения.

– А, ну да! – вспомнил Макс про свой крутяк. – Значит, турки засели в Акрополе, греки его штурмовали. У турок закончился свинец для пуль. А в этом Парфеноне плиты и части колонн скреплены свинцовыми скобами. Турки стали разрушать колонны, чтобы доставать свинец и лить из него пули. Тогда греки перепугались, что их главная святыня будет окончательно разрушена, и послали туркам партию свинца: пускай льют пули, пускай по восставшим стреляют, только бы Парфенон не трогали. Ничего так, да?

– Хватит уже врать, Макс! – рявкнул Витек.

– Думаешь, вру? Почитай сам, это исторический факт! – обиделся Макс. – Написано вот на этом сайте – «О Греции и ее чудесной истории». Тут всякие Анаксагоры, Анаксимандры, Лукианы и прочие древние греки собраны. О, вот еще крутяк... про одного вруна-предсказателя и его змею. Это Лукиан написал. Называется «Александр, или Лжепророк». Вот слушайте! – И он мрачным, загробным голосом продекламировал: – «О Геракл, избавитель от зла! О Зевс, отвратитель несчастий! О Диоскуры-спасители!¹ Лучше встретиться с врагом и недругом, чем иметь дело с человеком, похожим на Александра!» – Повернулся к Саше: – Слушай, это не про тебя написано? Ты ведь у нас тоже Александр!

И покотился со смеху. Захохотали все, даже Саша.

– В Интернете чего только не найдешь, – отсмеявшись, бросил Витек. – Но у меня уже мозги заквасились. Картинок скопировали целую флешку! Смотрите, какие гоплиты, пельтасты, экдромой, псилои!² Какие костюмы! А кто все это распечатывать будет, чтобы в ателье

¹ Геракл – герой многих мифов, известен своими двенадцатью подвигами. Согласно некоторым историям, Геракл убил страшное чудовище – Харибду, которая похитила у него быков Гипериона (десятый подвиг), и избавил от бед многих моряков, которые гибли раньше в узком проливе между Сциллой и Харибдой. Зевс – верховное божество греческой мифологии, громовник, то есть обладатель всемогучей громовой стрелы, которая поражала злые силы и отвращала беды от людей. Диоскуры – Кастор и Полидевк, сыновья Леды и Зевса, участники похода аргонавтов, Калидонской охоты и многих героических событий греческой мифологии. Считались воплощением воинской доблести, поэтому их и призывали на помощь.

² Гоплит – в Древней Греции тяжеловооруженный пеший воин. Слово происходит от названия тяжелого круглого щита – гоплон. Легкий щит назывался «пельте», поэтому воины, носившие его, назывались пельтасты. Экдромой – бегуны: корпус

портным показать? У тебя дома есть цветной принтер, Макс? Нет! У меня тоже нет. И у Егора нет – правда, Егор? Или у тебя где-нибудь спрятан цветной принтер – под кроватью или там в посудомоечной машине?

Это он так шутил, Витек.

– Дету у дас придтера! И посудобоечной башиды тоже дету! – прогундосил в ответ Егор.

– Само собой! – воскликнул Витек. – А чтобы распечатать наши картинки где-нибудь, ну я не знаю, в каком-нибудь офисе, надо деньги платить. Вроде бы десятку стоит картинка. А у нас их тут штук двадцать минимум. Лично у меня нету лишних двухсот рублей.

– И у беда дету, – сообщил Егор.

– И у беда, – передразнил Макс.

Саша промолчал. Во-первых, у него тоже не было лишних двухсот рублей, а во-вторых, он уже чувствовал, к чему клонит Витек...

И угадал!

– А между прочим, у Сашкиного бати классный принтер на работе стоит! – воскликнул Витек. – И вообще – ну к кому мы ради нашей исторической реконструкции должны за помощью обратиться, если не к нему? Главный художник ТЮЗа, все такое... Василий Николаевич мог бы и костюмы для нас заказать в мастерской театральной, а в этой... как ее... реквизиторской нам бы щиты, шлемы и мечи сделали. А?

Витек, хоть и лучший Сашин друг, наглец исключительный и, что характерно, с годами все больше наглеет. Ему только дай губу раскатать!

В другое время можно было бы над этим посмеяться, но сейчас не другое время. Сейчас такое время, что вообще не до смеха.

Главное – сдержаться и никому не показать, как тебе... как тебе ужасно. Как тебе невыносимо!

– Театр на гастролях в Саратове, отец тоже там, – сдавленно проговорил Саша. – Придется нам самим выкручиваться.

Заметил кто-нибудь, что он сказал «отец», хотя раньше всегда говорил «папка», «мой папка»?

Раньше говорил, да, было дело. А теперь... а теперь папка уже не его.

Слава богу, никто не заметил ничего необычного в его голосе, никто ничего не просек. Все, не только Витек, устали от нескольких часов сидения у компьютера, от мечтаний, как их группа возьмет все призы за оригинальность замысла, от споров над каждым костюмом.

Больше всего смущал вопрос трусов.

Трусов в Древней Греции не носили. Все неприличные места прикрывали свисавшим из-под кольчуги толстым кожаным передником, который назывался «претугес» – «крылья».

– Нет, ребята, я без трусов не пойду, – заявил Макс. – Претугесы претугесами, а я без трусов не пойду!

– Да никто не пойдет, – успокоил его Витек. – Что мы, больные, что ли? Только ты не вздумай напялить какие-нибудь боксеры в цветочек – только плавки!

– Стриджи! – захихикал Егор. – Дадо дадут стриджи!

Все снова захохотали. Саша тоже. Это была хоть какая-то разрядка. Но его веселья надолго не хватило. Ужасно захотелось уйти домой и забиться там в какой-нибудь угол. И сидеть одному, ни о чем не думая, не отвечая на дурацкие вопросы Егора, не ведясь на еще более дурацкие подначки Витька, не слушая Макса, который все бубнил какую-то древнегреческую чухню из Интернета...

Наверное, это погано, но Саша втихомолку радовался, что баба Люба заболела в своем Арзамасе и мама уехала к ней. Заболеешь тут, от таких-то событий... Бабулю жалко, конечно,

но хорошо, что Саша с мамой могут пока не встречаться и не строить друг перед другом бодрячков и весельчаков. Потому что бодрости и веселья нет ни у кого.

Самое невыносимое было слышать, как мама плачет ночью: тихонько, чтобы Сашу не разбудить. Однако он и так почти не спит. Он и сам бы плакал, да не может. Стыдно ему. Вот если бы отец умер, было бы другое дело, тогда это было бы нормально – плакать. А так...

Нет.

Надо просто перетерпеть. Что он, единственный на свете мальчишка, которого бросил отец? Небось и другие есть. До фига их!

Вот интересно: те, другие мальчишки, – они тоже с ума от горя сходили или просто плечами пожали – и продолжали себе жить дальше?..

Вопрос такой: а жить дальше – как?

В эту минуту в комнату заглянула Ирина Ивановна, мама Витька, и, зевая, спросила:

– Гости, вам хозяйева не надоели? Вообще одиннадцать уже, вы не заметили? Ваши родители, наверное, там с ума сходят. Или вы им позвонили, предупредили, что задерживаетесь?

Егор и Макс в ужасе переглянулись, потом как по команде выхватили из карманов свои оранжевые «Майкрософты», да так и ахнули: мобильник Макса вообще разрядился, а Егор у своего нечаянно выключил громкость. И у него десять неотвеченных вызовов, ничего себе! Ну, после этого, конечно, все торопливо простились, договорились встретиться завтра у Егора и полетели по домам.

То есть кто полетел, а кто побрел нога за ногу.

Легко догадаться, что брел именно Саша. Домой ему не хотелось...

* * *

Сашин телефон лежал в кармане и не звякнул ни разу. И сообщения не пришло ни одного... И дома его никто не ждал – спешить было незачем.

Саша брел и думал все про то же: как они будут жить дальше? И как объяснить ребятам, куда пропал отец? Можно продолжать отворачиваться: мол, он на гастролях в Саратове, но этого вранья надолго не хватит – только до конца лета, пока ТЮЗ не вернется в Нижний. Хотя можно наплести, будто отцу предложили работу где-нибудь в другом городе, но там нет нормальной квартиры, поэтому он семью пока оставил здесь. Ну да, наплести можно что угодно, но вот вернется ТЮЗ с гастролей, появится афиша с анонсом премьеры, а там будет написано: «Главный художник – Василий Денисов». Или на улице его обязательно кто-нибудь встретит, Витек или Макс...

И тогда все узнают, что Сашку Денисова бросил отец.

Но это ерунда, что все узнают. Самое главное – ничего не исправить, прошлого не вернуть! Отец не вернется. Вот это страшнее всего...

Совершенно утонув в своих мрачных мыслях, Сашка вдруг осознал, что стоит у входа в парк Кулибина, и с досадой сморщился. По привычке пошел короткой дорогой, дурак, а ведь именно в этом парке расположен ТЮЗ. До чего тяжело видеть здание, где ты, можно сказать, вырос, сидя за кулисами на репетициях или играя в огромной, с высоченным потолком мастерской главного художника и, сначала со страхом, а потом весело, как со старыми знакомыми, болтая с тремя головами Змея Горыныча (Старшая – храбрая, Средняя – умная, Младшая – глупая) – реквизитом самого любимого Сашиного спектакля «Иванушка-богатырь и Змей Горыныч»... Днем он старался обходить и ТЮЗ, и парк стороной, а сейчас вот приперся сюда на автопилоте. Но, честно, поворачивать и идти другой дорогой сил просто нет. Ладно, кругом темнотища, освещены только аллеи. Надо покруче забрать вправо, пробежать подальше от ТЮЗа, а налево вовсе голову не поворачивать, чтобы ненароком не наткнуться взглядом на бледно-серое бетонное здание...

Внезапно над Сашиной головой вздрогнула ветка ясеня: узорчатая тень на освещенной дорожке заплясала. И под ноги плюхнулся комок с крыльями.

Воробей... перебулгаченный какой-то. Наверное, спросонок с ветки сорвался. Вот он вспорхнул, метнулся в кусты, но тотчас оттуда донесся душераздирающий писк, а еще через миг на дорожку вылетели два окровавленных перышка.

Сашка остолбенел.

Что-то звучно чавкнуло в кустах, а потом оттуда раздалось протяжное, довольное, сытое: – Ме-е! Ме-е-е!..

Сашка оглянулся через плечо. Там, сзади, освещенная улица Горького, сияющий огнями ночной клуб, в помещении которого когда-то – давно, еще до Сашкиного рождения, – находился кинотеатр «Спутник». Нужно было повернуться и рвануть туда, к свету, людскому гомону, разухабистой музыке, долетающей из окон клуба, но Сашка ни одной ногой не мог шевельнуть, как будто шнурки переплелись между собой.

Наверное, заорал бы дурным голосом, если бы язык не отсох, а губы не склеились от страха.

Откуда в парке мог взяться козел? И что это за козел, который жрет воробьев?!

В сумятице ужасиков, которые замельтешили в Сашиной голове при воспоминании о том, что парк Кулибина разбит в 30-х годах прошлого века на месте, где находилось кладбище, то есть под ногами покоятся кости мертвецов, вдруг мелькнула вполне отрезвляющая и успокаивающая догадка.

«Ну я и дурак! – подумал Саша с облегчением. – То есть реальный идиот! Да ведь на уроке краеведения рассказывали, что все останки отсюда давным-давно вывезли. Оставили две могилки: самого изобретателя, Ивана Кулибина, в честь которого парк назвали, и бабушки Максима Горького. А других мертвецов вывезли! Это во-первых. А во-вторых, никакой не козел мемекал, а кот мяукал! Это было не «ме-е», а «мяу»! Мне просто послышалось. В кустах сидел котяра, он поймал воробья и слопал!»

Конечно, воробья жалко, но что поделать: кошки птиц, случается, лопают. А птицы, в свою очередь, питаются комариным народом, как говорил отец...

И опять при воспоминании о нем стало тошно до невозможности, зато мимолетный страх исчез. Сашка решительно шагнул вперед – и рухнул на колени.

Ноги его будто бы накрепко связали в щиколотках!

Да что ж это такое?!

Саша затравленно огляделся, чувствуя, что темнота ночного парка словно бы смотрит на него, вкрадчиво заглядывает в глаза, что деревья не просто шумят листвой под легким ветерком, а будто переговариваются на разные голоса... и совсем даже не факт, что это голоса листвы.

А чьи? Чьи тогда?!

Кто шепчется, кто бормочет, кто вздыхает там, и там, и там? Саша еле успевал вертеть головой, словно пытаясь услышать подсказку, но не понимая в ней ни слова.

Какая-то назойливая ветка наклонилась над ним низко-низко и слегка подергивала за волосы. Саша в бессмысленном раздражении все отбрасывал ее, отбрасывал, но без толку: она цеплялась снова и снова.

Впрочем, сейчас было не до ветки. Он ясно видел, как обступившая дорожку высокая трава тянется к нему, отгалкивая одна травинка другую, словно каждая норовила первой дотянуться до него и впиться в его тело.

Трава – впиться?! Ну да, Саша чувствовал это кровожадное желание!

Недавно он читал одну книжку: это был ужасик о том, как ведьма, похороненная на каком-то кладбище, вселила свою мстительную ненависть в траву и та принялась уничтожать людей.

Так что от травы всего можно ожидать. Тем более что здесь все-таки раньше было кладбище! Почему знать, не похоронена ли и здесь какая-нибудь ведьма и не...

Господи боже! Саша почувствовал, как земля под ним задрожала, и его как стрелой пронзило ужасной мыслью: что, если и впрямь не всех мертвых отсюда вывезли? Что, если некоторые остались – и сейчас пытаются выбраться на свет божий, вернее на тьму?!

Спустя мгновение Саша кое-как докумекал, что это не земля дрожит, а он сам. Попытался подняться, однако ноги по-прежнему оставались связанными или склеенными. К тому же подошву правой ноги что-то отчаянно пекло. Будто наступил где-то на уголек и этот уголек теперь прожег подошву и уже добрался до кожи...

«Я не наступал ни на какой уголек! – мысленно твердил себе Саша, пытаясь обрести хоть толику здравомыслия. – Я точно знаю, что не наступал! Эта боль мне мерещится – точно так же, как мерещатся склеенные ноги, как мерещатся эти цепкие пальчики, которые то и дело подергивают меня за волосы, как мерещится, будто гаснет один фонарь за другим...»

А вот это уже не мерещилось. Фонари и в самом деле гасли во всем парке один за другим, словно кто-то невидимый выключал их волшебным делюминатором профессора Дамблдора. Наконец дорожки утонули во тьме. Похоже, во всем парке осталось только одно светлое пятно: то, в центре которого стоял на коленях Саша.

Он задрал голову: оказывается, это лунный луч, пробившийся сквозь тяжелые, сплошь черные облака, оставил на дорожке бледное пятно.

Саша перевернулся с колен на пятую точку и попытался рассмотреть, что там произошло с кроссовками.

Уж лучше бы он этого не делал!

Лунный свет был слабым, полумертвым, однако его вполне хватило, чтобы Саша увидел: рядом с белыми шнурками в его кроссовках появились черные, блестящие, похожие на тонкие скользкие провода. Нет, оказывается, это один провод, который совершенно непонятным образом зашнуровал обе кроссовки, завязался узлом, да еще и обвил свободными концами щиколотки!

Не веря глазам, Саша коснулся провода пальцем, и тот вдруг раздраженно зашипел, дернулся... и оказалось, что это вообще не шнурок, не провод: черная длинная тоненькая змейка подняла узкую голову и смотрит на Сашу злыми блестящими глазками.

– Ох, мамочка, – пробормотал он, но тотчас умолк, потому что неподалеку раздался чей-то голос:

– Александр!

С перепугу Саша даже не сразу понял, что зовут его, зато вспомнилось, как Макс совсем недавно декламировал: «О Геракл, избавитель от зла! О Зевс, отвратитель несчастий! О Диоскуры-спасители! Лучше встретиться с врагом и недругом, чем иметь дело с человеком, похожим на Александра!»

Вот ведь лезет в голову всякая чепуха, от которой еще страшней становится! А между тем кто-то зовет Сашу – какой-то человек, нормальный человек, который сейчас придет на помощь, который развеет весь этот кошмар.

– Да! Это я! Я здесь! – радостно заорал Саша, и тотчас из кустов выдвинулся какой-то силуэт.

Это был огромный рогатый козел, и в тусклом лунном свете стало видно, что к его трясущейся бороде – он непрестанно что-то жевал – прилипли окровавленные перышки.

Резко мотнув головой, так что перышки разлетелись в стороны, козел вздыбился – и через миг перед Сашей возник высокий человек, облаченный в черное. Лицо его тоже было черным, и тяжелые темные веки почти прикрывали глаза.

Он выпростал из-под своего одеяния руку и, соединив указательный и большой пальцы, сделал несколько странных круговых движений.

В то же мгновение цепкие ветки выпустили Сашины волосы. Раздался резкий шум, потом пронзительный писк, и Саша обнаружил, что перед ним, расправив широкие кожистые крылья, реет какое-то жуткое существо. Взглянув на круглую, гладкую, лишенную перьев и шерсти голову, он почему-то вспомнил смешное слово: *chauve-souris*. Это значит «лысая мышь». Так французы называют летучих мышей, нетопырей. Уж не эта ли тварь только что дергала его за волосы?!

Сашу от отвращения затошнило, а потом и вообще чуть не вырвало, потому что нетопырь бесцеремонно опустился ему на ногу и своей мерзкой лапкой, похожей на ссохшегося длинноногого паука, выдернул змейку из кроссовок.

Ногам сразу же стало легче; Саша дернулся было, чтобы вскочить и бежать, однако нетопырь разинул треугольную пасть и зашипел так яростно, что мальчик испуганно замер.

Нетопырь выпустил змейку из своих коготков. Она упала на пятно лунного света и принялась снова по его краям туда-сюда, вверх-вниз, оставляя за собой четкий черный след. Саша не мог оторвать от него глаз: этот след напомнил ему шов – петельный шов, которым мама обметывала салфетки. Она покупала яркую ткань, резала ее на квадраты и аккуратно обшивала, причем нитки всегда были другого цвета: оранжевые на зеленом, синие на желтом, красные на синем, и это получалось очень красиво. Точно таким же петельным швом покрывались края лунного пятна: черным на бледно-желтом. Но этот шов выглядел не красивым, а пугающим!

Чем дольше Саша как загипнотизированный следил за движениями змейки-иглы, тем большая слабость его охватывала. Он уже не мог сидеть, а прилег, сначала скорчившись, а потом и распластавшись на светлом пятне. Странное такое возникло ощущение: как будто он уменьшается и сливается с этим пятном...

Тем временем змейка «обметала» все пятно, и Саша оказался внутри черных границ. Это его почему-то несколько не беспокоило. Его почему-то уже ничто не беспокоило...

Нетопырь резко спикировал и завис почти вплотную, так что Саша мог отчетливо разглядеть не только его лысую голову, на которой торчком стояли большие уши, но и жуткую острую морду. А потом нетопырь зацепился коготками за край лунного пятна – и поднял его в воздух вместе с распластавшимся на нем Сашей.

Как если бы это было не пятно света, а лоскут легкой шелковой ткани с нарисованным мальчишкой!

Нетопырь подлетел к человеку в черном, завис перед ним в воздухе, мелко трепеща кожистыми крыльями, и «нарисованный» Саша встретился взглядом с непроглядно-черными глазами.

– Имя, – прозвучал глухой, тяжелый, словно бы тоже черный голос, – день твоего появления на свет, место, где издавна властвовал вечный покой, знак смерти, который ты постоянно носишь с собой... Все совпало! Теперь ты мой помощник. Ты служишь мне, пока ночь владеет миром!

Он еще несколько мгновений рассматривал Сашино лицо, мрачно улыбаясь черным провалом рта, а потом пал на четвереньки, приник к земле – и, обернувшись черным рогатым козлом, поскакал куда-то с невероятной скоростью, почти не касаясь ни травы, ни асфальта.

Нетопырь, сжимая зубками бледный, обметанный черным лоскут, летел над ним не отставая.

Вместе с лоскутом Саша мотался из стороны в сторону, краем оцепеневшего сознания слабо удивляясь тому, как быстро мелькают под ним улицы. Вмиг позади остался парк, и улета в сторону Ошарская с длинной цепочкой рельсов, а это уже перекресток Ванеева-Республиканской, потом улица Панина вытянулась вниз, к Полтавской, и вот уже Высоково замаячило, и большая церковь на взгорке... Но вдруг нетопырь завис в воздухе, и Саша разглядел

ограду небольшого кладбища, расположенного позади церкви, и нетопырь резко спикировал на плечо человека в черном, в которого вновь обратился козел.

Человек взял у нетопыря лоскут и склонился к одному из надгробий. Оно было окружено оградкой, в которой оставалось место для еще одной могилы. В отличие от большинства других, заросших травой и явно заброшенных, этот участок выглядел аккуратным и ухоженным.

Человек в черном поднес лоскут к надгробию так близко, что Саша успел увидеть портрет пожилого мужчины. У него были лихо закрученные, совершенно мушкетерские усы. Саша прочитал имя на памятнике: *Павел Алексеевич Порошин*. Дату рождения и смерти разглядеть не успел: человек в черном скомкал лоскут вместе с Сашей и тщательно протер им памятник.

Саша ощутил лютый, необычайный, ни с чем не сравнимый холод и боль в сердце! Была она такой сильной, что на какое-то мгновение почудилось, что он умирает. Но вот нетопырь вновь схватил лоскут, стремительно взмыл в высоту и понесся к центру города. Внизу изогнулась темно-свинцовая река, мелькнула Верхне-Волжская набережная, призрачно-белый дворец Рукавишниковых – краеведческий музей, проплыл корпус Политехнического института, о котором втихомолку мечтал Саша – ну что когда-нибудь поступит туда, – а потом потянулась вереница красивых старинных домов, во двор одного из которых стремительно спустился нетопырь. Немного покружив, он подлетел к распахнутому окну, за которым реяли прозрачные занавески.

Нетопырь положил лоскут с черной каймой на подоконник и бесшумно канул в ночную тьму.

Легкий сквозняк шевельнул занавески и сдул лоскут с подоконника. Однако тот не упал, а медленно, плавно поплыл по воздуху в глубину комнаты, в которой сильно пахло лекарствами.

Саша узнал запах валокордина, которым часто пользовалась бабушка. Но он находился не в бабушкиной, а в совершенно чужой квартире и не мог понять, то ли он летит вместе с лоскутом, то ли идет по паркетному полу, не касаясь, впрочем, его ногами, неспешно направляясь к кровати, на которой кто-то лежал.

Похоже, этот человек то ли услышал, то ли почувствовал его приближение, потому что шевельнулся, чуть приподнял голову с подушки – и Саша увидел немолодую, очень худую женщину, в белой ночной рубашке с кружевным воротничком. Женщина смотрела на Сашу с радостным изумлением.

– Пашенька! – выдохнула она. – Неужели это ты?!

«Почему «Пашенька»? – удивился Саша. – И почему она так обрадовалась? Разве мы знакомы? Я ее не знаю! Никогда раньше не видел!»

– Пашенька, наконец-то ты за мной пришел, – шепнула женщина. – Я так измучилась от этих болей! Спаси меня от них! Забери меня с собой! Наконец-то мы снова будем вместе, как...

Ее худая рука слабо дрогнула, показывая куда-то в сторону. Саша покосился туда и увидел фотографию в затейливой рамке, которая стояла на столике около кровати. На фотографии были изображены мужчина и женщина – довольно молодые, примерно такого же возраста, как Сашины родители. У мужчины были лихо закрученные мушкетерские усы.

Точно такие же, как у того человека на надгробии!

– Все, Пашенька, – чуть слышно прошепело рядом. – Идем. Идем скорей!

Сашка повернул голову и снова встретился взглядом с женщиной. Ее глаза были полны слез, но губы слабо улыбались. Саша смотрел, смотрел на нее... И вдруг понял, что она его уже не видит. Она умерла!

Внезапно он ощутил, что ноги его отрываются от земли, будто какая-то сила поднимает его вверх, и не сразу сообразил: это нетопырь снова вцепился в лоскут и выносит его из комнаты, поднимается в высоту, стремительно летит, взрезая воздух крыльями, над городом, снижается над парком – и внезапно разжимает зубы!

...Саша открыл глаза и долго смотрел на что-то темное, жесткое, на чем он лежал. Не сразу удалось сообразить, что это асфальт.

Приподнялся, огляделся.

Что ж такое?! Почему он лежит на дорожке в парке Кулибина? Споткнулся, когда шел от Витька, упал – и что? Сознание потерял, что ли?

Стало жутко.

Вскочил, огляделся.

Как хорошо, что все аллеи так ярко освещены фонарями! Как хорошо, что так ярко освещена Белинка! Как хорошо, что дом почти рядом!

Саша со всех ног кинулся бежать, от спешки спотыкаясь и заплетаясь ногами, изо всех сил пытаясь вспомнить, как же это умудрился упасть в парке, но ничего вспомнить не смог.

* * *

Проснулся он с тяжелой головой и противной ломотой во всем теле. Так бывало, когда начиналась простуда. Но она обычно настигала его зимой, а сейчас никакая не зима – сейчас лето, погода чудесная. Солнце вовсю светит в окно, небо сияет невероятной голубизной, пахнет влажной свежестью дворового садика. Весна в этом году грянула необычайно дружная, поэтому цвело все сразу: и сирень, лиловая и белая, и яблони, и жасмин, который, оказывается, правильно называть чубушником, но ужасно неохота такое красивое и чудесно пахнущее растение называть таким деревянным словом.

Да, лето, да, тепло... а тело ломит. Неужели Саша простыл, пока валялся вчера на асфальте? Похоже, он решил уподобиться Егору с его любимой привычкой чихать и кашлять в самую жару! И что теперь делать? Пить какие-то таблетки?

Он угрюмо побрел на кухню, выдвинул ящик стола, в котором были навалены всевозможные лекарства, и поковырялся в них. Названия ничего ему не говорили. Про них все знала мама, но мама сейчас в Арзамасе. Можно, конечно, позвонить и спросить, что делать, какое лекарство принять, но неохота. Мама разволнуется, а уж насчет Сашиного здоровья она волнуется так, как будто инопланетяне высадились на соседней крыше и чихнули на любимого сыночка. Ну а папа принципиально ни от чего не лечился, уверяя, что все само пройдет, – и оно в самом деле проходило, даже грипп, от которого остальные в лежку лежали.

Папа сейчас бы...

Нет!

Саша зло мотнул головой и задвинул ящик стола с такой силой, как будто там лежали не лекарства, а все его воспоминания об отце – такие тяжелые, мучительные... и в то же время такие дорогие и незабываемые.

Зазвонил мобильник. «Витек» – высветилось на экране.

Саша мельком глянул на часы – да так и ахнул. Ничего себе, проспал он! Уже половина двенадцатого! А ведь они договорились встретиться в одиннадцать у Егора. Ребята, наверное, все собрались, ждут его и ругаются.

– Витек, я все, я собираюсь! – завопил он, плечом прижимая трубку к уху и пытаясь в этой неуклюжей позе освободиться от майки и пижамных штанов. – Проспал нечаянно!

– Куда ты собираешься? – удивился Витек.

– Ну мы же договорились к Егору пойти, ты что, забыл? – озадачился Саша.

– А, так ты еще ничего не знаешь... – протянул Витек.

– Чего я не знаю? – насторожился Саша.

– У Егора сегодня ночью тетя умерла. Он, конечно, со своей мамой поехал туда с утра пораньше. Так что встреча отменяется.

– Ну, меня он не предупредил, – пробормотал Саша растерянно, замерев в одной пижамной штанине.

– Да он никого не предупредил, – вздохнул Витек. – Просто Макса роды сегодня с утра пораньше припахали на дачу ехать – ну, типа страшная месть за то, что он вчера практически до полночи где-то шлялся и на звонки не отвечал. Теперь будет там три дня торчать кверху попом на грядках. Он как узнал про это, позвонил Егору – сказать, что не придет, – а тот ему и говорит: такие дела, у нас траур. Макс мне перезвонил, но тоже буквально вот только что, потому что я тоже проспал, он меня уже по пути в свою Киселиху вызвонил.

– Понятно, – пробубнил Саша. – Ну, мы можем с тобой вдвоем поискать картинки или на Щелковский хутор съездить: там, говорят, купаться вполне можно.

– Не, меня не пустят, – вздохнул Витек. – Я совсем забыл – у мамы завтра день рождения, юбилейчик, тридцать пять лет, придут гости, и она сегодня решила закатить генеральную уборку: окна мыть, то да се. Отец на работе – получается, я главная боевая единица.

– Повезло тебе, ничего не скажешь! – посочувствовал Саша. – Ладно. Я тогда сам в инете полагаю, картинки посмотрю, может, что-то еще выберу.

– Да хватит картинок уже! – раздраженно крикнул Витек. – Сколько можно? Их надо распечатать и браться за костюмы. Ну попроси отца, ну пусть он распечатает их у себя в театре! У них качество принтера офигенное!

– Витек, – скрежетнул зубами Саша, – я ж тебе говорил, что отец на гастролях в Саратове вместе с театром!

– Сашка, – сказал Витек, и в голосе его явственно сквозила обида, – ну чего ты гонишь? Театр, может быть, и на гастролях, но Василий-то Николаевич в городе! Ну не хочешь его просить распечатать, так и скажи, а чего врать, да еще многоэтажно? Макс, когда мне звонил, сказал, что видел твоего папу в Мещере, пока их электричка перед Борским мостом притормозила. Он мимо переезда шел.

– Кто, мост? – глупо спросил Саша.

– Сам ты мост! – окончательно обиделся Витек. – Василий Николаевич там шел! Макс говорил, он был в этой своей знаменитой серой футболке, на которой сам трафарет сделал: «Я ♥ ТЮЗ-НН!» С сердечком! Так что... Помнишь, у Драгунского: нет ничего тайного, что не стало бы явным. И это точно! Ладно, мне пора. Созвонимся потом, когда все освободятся. Может, тогда и ты врать перестанешь!

С этими словами Витек отключился.

Несколько минут Саша тупо смотрел на свой телефон, потом отшвырнул его так, что тот скользнул по кровати и завалился за нее. Но Саша за ним не полез, а плюхнулся ничком, уткнувшись лицом в подушку.

Вот, значит, как... Вот как, значит! Значит, там, в микрорайоне Мещерское озеро, который все нижегородцы для краткости называют просто Мещерой, живет та женщина, ради которой отец бросил семью. И там, значит, у него такая любовь, что он даже на гастроли с театром не поехал. Раньше такое представить было невозможно – чтобы он оставил свои драгоценные декорации и костюмы без присмотра! Каждое лето Саша с мамой навещали его то в Ульяновске, то в Казани, то в Астрахани, то в Екатеринбурге – словом, везде, где в это время гастролировал ТЮЗ. Но теперь... теперь все переменялось. Мир встал с ног на голову, и Сашка чувствовал себя так, словно свалился в какое-то нереальное гиперпространство и висит там, окруженный со всех сторон горем и обидой. Ну хоть бы что-нибудь случилось, что бы отвлекло его! Хоть что-нибудь... хоть ненадолго... Как жаль, что у Егора умерла тетя: из-за этого встреча с ребятами сорвалась, отвлеклась нечем. Ну, тетю эту тоже жалко, конечно, хотя Саша ее никогда в жизни не видел, просто знал, что у Егора есть тетя, которая живет где-то на Верхне-Волжской набережной, в одном из этих красивых старинных домов...

Виски внезапно прострелило такой болью, что Саша вскрикнул. Даже в пот бросило! Боль почти сразу прошла, но от сквозняка, метавшегося между раскрытыми во всей квартире окнами, стало холодно до дрожи. Саша побрел в ванную и долго стоял под горячим душем. Потом съел кусок сыра с яблоком – греть кашу или жарить яичницу было неохота – и завалился на диван. Идти куда-то он не решался. Боялся, что не справится с собой: вскочит в маршрутку, которая идет на Мещеру. Боялся, что зайвится туда и будет там шляться по улицам в надежде увидеть отца!

День прошел в тасовании телевизионных программ и пустейшем блуждании по Интернету, причем Саша дважды наткнулся на этого дурацкого Лукиана с его лжепророком Александром и Зевсом – отвратителем несчастий. Будто кто-то как нарочно эту чушь ему подсовывал!

Но это еще ничего... А вот совсем худо стало, когда он случайно вышел на сайт рассказов о природе с красивыми фотографиями и прочитал статью, которая называлась «10 лучших отцов в мире животных». Оказывается, отец-пингвин сам высидывает птенца, пряча яйцо с ним под складкой брюха, гигантский водяной клоп носит яйца с будущими детенышами на своей спине до тех пор, пока они не вылупятся, морские коньки и рыбы-лягушки чередуются со своими женами, оберегая икринки, страус-нанду сидит в гнезде аж шесть недель, пока его птенцы не появятся на свет... Но самыми заботливыми папашами оказались некоторые самцы некоторых лягушачьих видов. Они вынашивают головастика во рту! И даже отказываются от пищи, пока молодежь не вырастет настолько, чтоб выживать в суровом окружающем мире!

Почему Саша не родился головастиком? Почему отец бросил его так рано? Ведь он еще не готов к тому, чтобы выживать в суровом окружающем мире!

К вечеру позвонила мама. Тем сдержанно-напряженным голосом, каким она в последнее время говорила с сыном, спросила, как дела. Саша буркнул: «Отлично!», с трудом сдерживаясь, чтобы не начать допрос с пристрастием: все же почему, по какой-то такой тайной причине ушел от них отец?! Мама, впрочем, словно чувствовала опасность и тараторила с непривычным оживлением, так что вклиниться в этот поток слов было невозможно. Бабушке гораздо лучше, но еще несколько дней придется здесь пробыть. Не забывает ли Саша есть? Осточертеет колбаса с яичницей, можно пойти в большой продуктовый магазин напротив парка Кулибина: там отличный отдел готовой еды. Прекрасные супы, блины с чем угодно, котлеты. Деньги еще остались? Ну вот и хорошо! Если закончатся, пусть зайдет к соседке, Ангелине Богдановне, она Сашу профинансирует, с ней есть договоренность. Ну пока, мой хороший, целую, держись!

Когда мама положила трубку, Саша вздохнул почти с облегчением. Этот разговор ни о чем был невыносим.

Настал вечер, стемнело, но спать совершенно не хотелось: ну еще бы, поднялся-то с постели в полдень! Может, прогуляться? Сходить в магазин и купить... не суп, конечно, но блинов с творогом, что ли. Сыр с яблоками и яичница уже и впрямь поперек горла стоят, а блины там очень даже ничего!

Саша надел кроссовки, однако что-то мешало выйти из квартиры. Стоило подойти к двери, как начинало сжиматься сердце, давил невесть откуда взявшийся страх... И при этом он совершенно не мог больше сидеть дома!

Близилась полночь, поздно вато гулять, но Саша ничего не в силах был поделать с этим нетерпением, которое вдруг овладело им и оказалось даже сильнее страха.

Ноги сами понесли его к парку Кулибина.

«Ладно, пройду через парк в этот несчастный магазин, про который мама говорила, он вроде бы круглосуточный», – подумал Саша, входя в освещенную аллею. Впрочем, она мгновенно погрузилась во мрак. И тотчас и в других аллеях начали один за другим гаснуть фонари, словно... словно кто-то невидимый выключал их волшебным делюминатором профессора Дамблдора.

«Кажется, что-то такое уже было, – подумал Саша, – было вчера... Но почему я почти ничего не помню?!»

Дорожки утонули во тьме. Похоже, во всем парке осталось только одно светлое пятно: то, в центре которого стоял Саша. Оно напоминало бледно-желтый лоскут, обметанный по краю черной ниткой.

Подолу правой ноги что-то обожгло, и Сашей вдруг овладела ужасная слабость. Он прилег на этот клочок света, распростерся на нем, а в следующее мгновение у него возникло странное ощущение, будто пятно-лоскут кто-то подхватывает с асфальта и несет, несет... над Сашей резко хлопали крылья, внизу мелькали улицы, потом он почувствовал прикосновение чего-то холодного – ужасно, как бы загробно-холодного... почудилось, что лоскутом, на котором он распростерся, обтирают могильный памятник. Перед глазами мелькнул портрет молодого человека в лихо заломленном берете с кокардой, какие носят десантники, надпись «Веселов Николай Леонидович», даты рождения и смерти. Николай Веселов умер два года назад, прожив на свете всего двадцать лет. Потом опять ударил ветер, опять замелькал город внизу... кажется, проспект Гагарина, справа парк Швейцария, вот Мыза с развилкой трамвайных путей, потом поворот в глубь какого-то микрорайона, резкое снижение к приоткрытой балконной двери... и порыв сквозняка вносит лоскут внутрь.

Саша не мог понять, то ли он летит вместе с лоскутом, то ли идет по светлому линолеуму, не касаясь, впрочем, его ногами, неспешно направляясь к дивану, на котором лежал безмерно исхудалый парень с наголо обритой головой и глазами, так глубоко провалившимися в глазницы, что они казались двумя черными пятнами. Лицо его было искажено страданием.

– Кто это там? – встревоженно спросил парень, и провалы его глаз обратились к Саше. – Колян?! Ты?.. Не может быть... Но ведь ты же... я же сам твой гроб в Нижний привез из Дагестана, на твоих похоронах был...

Он задохнулся, схватился за горло и закашлялся.

– Ты остался таким же, каким был там, в горах, когда меня собой закрыл и мою пулю себе в сердце принял, – бормотал парень, комкая простыню на груди. – Ты меня тогда спас, Колян, а для чего? Лучше бы ты жив остался, а я бы погиб. Раз – и нет меня, и не будет меня заживо рак пожирать. Знаешь, сколько раз я тебя вспоминал, все думал: ну какой же смысл был в твоей смерти? Может быть, если бы ты выжил, ты жил бы счастливо, а я... а я мучился все эти два года. Знал бы ты, Колян, как я намучился! Вспоминаю вас всех, всех ребят из нашего взвода, кто в бою с той бандой poleg, и каждому завидую: тебе, Вадьке Скобликову, Димке Кравченко, и старлею нашему завидую... А от меня, от Гошки Панова, которого вы Энерджайзером звали, остался живой труп. Ему давно в могилу пора, но никак он туда лечь не может.

Гошка Панов смотрел на Сашу, и в темных провалах его глаз что-то поблескивало.

«Это слезы, – понял Саша. – Он плачет! Как же он намучился, бедняга...»

– Колян, – вдруг слабо улыбнулся Гошка Панов, – я понял! Ты пришел меня спасти, да? Как тогда, в Дагестане? Колян, спаси меня от этих мучений! Забери меня с собой! Ты меня забереешь – и я снова буду с вами! Со всеми нашими ребятами!

Голос его вдруг прервался, губы приоткрылись, рука, нервно комкавшая простыню, соскользнула с кровати и повисла.

Сашка смотрел, смотрел на него... И вдруг понял: Гошка Панов уже ничего не видит. Он умер!

Тотчас Саша ощутил, что ноги отрываются от земли, будто какая-то сила подхватывает его, выносит из комнаты, поднимается ввысь, стремительно летит, взрезая воздух крыльями, над городом, снижается над парком – и неожиданно бросает вниз!

...Саша открыл глаза и обнаружил, что лежит на дорожке в парке Кулибина.

Вскочил, огляделся.

Он шел за блинчиками с творогом. Это помнил, но только это. А потом? Что было потом? Слабо соображая, поднялся, побрел домой. Ни в какой магазин больше не хотелось, о еде и думать было тошно: желудок к горлу подпирало, как будто укачало на какой-нибудь бешеной карусели.

Какая-то жуть клубилась в воспоминаниях, но стоило сосредоточиться, как острой болью простреливало виски. Наконец Саша доплелся до дома и сразу рухнул спать.

* * *

Утром все тело снова так ломило, будто его палками били, и голова ужасно болела.

До невозможности хотелось с кем-нибудь поговорить и рассказать про все эти непонятки. Но с кем?! Мама занята больной бабушкой, а отец...

Неизвестно, чем или кем занят отец, только не своим брошенным сыном.

Он и злился на отца, и скучал по нему до нелепых девчачьих слез. А еще сильнее злился на маму. Почему от нее ушел муж? Саше-то казалось, что она самая лучшая, но самых лучших мужья не бросают! Значит, она что-то делала не так...

А он сам, Сашка Денисов? Что он делал не так, если его бросил отец?! И кто мог подумать, что такое случится? Он думал, отец его любит! В марте, когда они на каникулах ездили на Крит и отправились на экскурсию на страшный остров Спиналонга, куда в прошлом веке отправляли прокаженных со всей Греции, отец держал Сашу за руку и от себя ни на шаг не отпускал. Особенно после того, как тот решил полазить по заброшенным каменным жилищам и чуть не сорвался с осыпавшейся лесенки. Саша ничуть не испугался – ведь там уже давно научились лечить, а остров пустой, туда только туристов на экскурсии возят, как в исторический музей. Он-то не испугался, а родители – ужас как. Особенно папа! Когда уже вернулись на корабль, он вдруг сказал: «Даже не знаю, как бы я пережил, если бы с моим ребенком что-нибудь случилось. У меня бы сердце разорвалось, наверное! Или с ума бы сошел...» Мама аж всплакнула тогда, а Саша ничего, он это воспринял как должное. Он, дурак, как должное воспринимал любовь отца... а выходит, что никакой любви и не было? Или она сдулась, эта любовь, как шарик? Лопнула, как мыльный пузырь?..

Желудок подвело от голода, но в холодильнике было пусто. Надо все же дойти до магазина.

Саша вышел на улицу. Через несколько минут он заметил, что не идет, как раньше ходил, быстро и легко, а бредет, будто бурлак в лямке. Но бурлаки тащили против течения пароход, а Саша везде тащит за собой свою тоску по отцу.

До чего же он устал от этой тоски! Чувствует себя словно отравленный горем. Нужно какое-то противоядие. Противопоставить горю можно только радость. Хочется чего-нибудь... такого! А какого именно?

Он растерянно оглядывался по сторонам, будто надеялся увидеть, как радость идет по улице и приветливо машет ему рукой: привет, мол, Сашок, вот и я! Еще бы знать, как эта самая радость выглядит...

И вдруг на глаза попался рекламный щит с надписью «Найди друга!». На щите была нарисована симпатичная, но грустная собачья физиономия. Это была реклама приюта для бездомных животных. И Саша внезапно понял, чего ему сейчас нужно, какой радости. Ему жизненно необходимо, чтобы его кто-нибудь любил, причем только его одного, все равно какого: троечника или отличника, грязнулю или аккуратиста, болтуна или молчуна – всякого! На такую любовь люди, наверное, неспособны, даже родители, которые вечно хотят сделать нас лучше, чем мы есть. На такую любовь способны только собаки! Вот сейчас Саша пойдет в этот приют: на рекламном щите указан адрес, Почаинский овраг – это совсем недалеко, туда можно и на

маршрутке с площади Свободы доехать, и пешком добежать. Кстати, обратно точно пешком придется, потому что вряд ли пустят с собакой в маршрутку. Так, а интересно, в приюте дадут поводок? Ну, в крайнем случае можно взять пса на руки, чтобы не удрал, и принести домой, а потом уже заняться «снаряжением». Хотя нет, Саша ведь хочет большого пса, желательно лабрадора или ретривера. Голден ретривера! О такой романтической и очаровательной собаке с золотистой шерстью они иногда мечтали с отцом, но мама не верила, что Саша сможет гулять с собакой утром и вечером – с его-то желанием подольше поспать! Она не хотела лишних хлопот с уборкой, то да се...

«Ну ничего! Придется маме смириться! – мстительно подумал Саша. – Сама виновата – оставила меня одного, забросила, можно сказать, отец вообще предал, а вот пес меня никогда не забросит и не предаст! Потому что я проявлю к нему милосердие! Я стану его спасителем! И он будет мне благодарен! Конечно, голден ретривера я в приюте вряд ли найду – ну а вдруг? Всякое бывает!»

Он размышлял, а ноги сами несли его через парк Кулибина, а значит, мимо ТЮЗа... Да ладно, чего ж теперь! Надо привыкать!

Саша свернул с асфальтированной дорожки и помчался по тропке, стараясь не смотреть на серое здание театра, как вдруг из кустов сбоку донесся треск, визг – и на тропу прямо перед Сашей буквально вывалился какой-то черный грязный комок.

Саша чуть не упал и даже машинально занес ногу, чтобы отшвырнуть от себя это невесть что, как вдруг комок развернулся, приподнялся – и Саша увидел, что это пес.

Зрелище он собой представлял самое жалкое. Тощий, облезлый, с обрывком веревки и кровавыми следами на шее, с куцым отростком вместо хвоста, с перебитой передней лапой, которую поджимал, еле держась на остальных трех, – так они дрожали. К тому же морда у него была какая-то перекошенная: один глаз заплыл кровью, другой нелепо косил... В общем, урод уродом, и если можно было найти пса, менее напоминающего романтического и очаровательного голден ретривера, то он стоял перед Сашей. Но если можно было найти пса, который смотрел бы на человека с огромной мольбой, то он тоже стоял перед Сашей!

В кустах, из которых он вывалился, клубилась какая-то странная темнота, и оттуда доносилось не то глухое рычание, не то угрожающее ворчанье.

Что, еще одна собака? Нет... Что-то пугающее, что-то страшное!

Саша попятился было, но чуть не наступил на трехногого пса. Тот жалобно взвизгнул, и Саше стало стыдно.

– Эй! – крикнул он, вглядываясь в куст. – А ну пошел вон!

Он не знал, к кому обращается, но рычание на миг прекратилось, словно это неизвестное страшилище онемело от изумления. Однако тотчас оно взревело так, что Саша отшатнулся, поскользнулся и плюхнулся на траву. Схватил попавшийся под руку сук и швырнул в куст, однако рычание не утихло и сгусток тьмы словно бы подался вперед. Вот-вот выскочит из куста! Не оборачиваясь, боясь оторвать взгляд от этой надвигающейся тьмы, Саша пошарил сзади, надеясь, что попадется еще один сук, но только попусту хватался за траву.

И вдруг что-то подсунулось под руку. Саша покосился и увидел, что пес, который и так еле держался на трех лапах, решил помочь и подтащил к нему земляной ком, из которого торчит длинный стебель какого-то растения.

Это было смешно и глупо, но больше все равно обороняться было нечем. Саша неловко размахнулся, швырнул ком, с которого посыпались земля и какие-то крошечные синие цветочки, – и попал точно в середину куста! Раздался истерический писк, пошумела листва – и все стихло. Однако у Саши не исчезало ощущение, будто за ним наблюдают чьи-то недобрые глаза.

Захотелось как можно скорее убраться отсюда.

Он вскочил, бросился было бежать, но сзади раздался тихий визг, вернее стон, и Саша оглянулся.

Ах да, пес...

Тот, похоже, совсем обессилел: уже не скакал на трех лапах, а лежал на траве, часто, запаленно дыша.

Саша остановился.

Пес чуть повернул голову, и его единственный глаз уставился на Сашу.

Была в этом взгляде смертельная, безнадежная усталость. Даже мольбы в нем теперь не было – только усталость... «Я знаю, что я урод, – словно бы говорил пес. – Такой грязный, жалкий, что тебе противно даже подойти ко мне, не то что помочь. Я все это знаю... Просто умирать неохота, понимаешь?»

– Ох, – тихо сказал Саша, проглотив комок, вдруг вставший поперек горла, а потом вернулся, наклонился и взял пса на руки.

Тот был настолько истощен, что словно бы ничего не весил. Видимо, был уже на самом-самом пороге смерти. И это полумертвое существо только что помогло Саше спугнуть что-то ужасное, затаившееся в кустах! Не бросилось спасаться само, а из последних сил помогло!

Сухой, покрытый белым налетом язык вываливался из пасти. Пес был еще и обезвожен до последней степени.

Надо его напоить. Первым делом – напоить!

Саша вспомнил, что под лестницей, которая вела на внешнюю галерею ТЮЗа, есть водопроводный кран. К нему прикручивали шланг, когда поливали клумбы, окружавшие здание театра. Саша и сам сколько раз их поливал, а потом приходил в мастерскую к отцу – мокрый и чумазый с головы до ног. В таком виде, конечно, идти домой было невозможно, поэтому приходилось сушить рубашку и шорты на огромном ветродуе, которым отец обычно подсушивал краску и клей на декорациях...

Воспоминание мелькнуло и исчезло, не причинив обычной боли.

Сейчас было не до своих страданий! Сейчас надо спасти умирающего пса!

Саша кинулся к ТЮЗу прямо по газону, по еле заметной тропке. Забегав под лестницу, осторожно положил беднягу на траву и принялся откручивать вентиль крана. Кто-то закрыл его на совесть: Саша руки сбил в кровь, прежде чем вода наконец полилась. Рядом, конечно, не нашлось ни миски, ни банки, но Саша набрал воды в сложенные ковшиком ладони и подсунул к морде пса.

Тот мигом вылакал все, облизал Сашины руки – а потом пополз к крану, лег под струю воды и принялся поворачиваться с боку на бок, словно впитывая влагу всем своим иссохшим телом.

Ох, сколько грязи с него натекло!.. Веревку с шеи тоже сбilo сильной струей, и кровь с морды смыло. Пес возился, то начиная вылизываться, то снова блаженно замирая под потоком воды, а Саша смотрел на него, ну вот натурально остолбенев от изумления.

Оказалось, что пес вовсе не черный, а светло-коричневый. И морда у него совершенно не уродливая, а очень даже симпатичная: широколобая, с темными, отливающими синевой глазами (да-да, второй глаз тоже открылся!), с висячими ушами. Поджатая и, казалось, перебитая лапа разогнулась, пес наступил на нее – сначала осторожно, а потом смелей, – повернулся к Саше и громко, радостно залаял, словно приглашая порадоваться вместе с ним. А потом, сильно отряхнувшись, одним прыжком оказался рядом с Сашей и прижался головой к его коленям.

«Что происходит? – изумился Саша. – Только что была какая-то жалкая страхолюдная шавка, а теперь... Конечно, это не голден ретривер, но все равно красавец. Как это могло произойти?!»

Пес поднял голову и посмотрел ему в глаза. «Да ничего особенно не произошло, – словно бы говорил его взгляд. – Я был страшно грязен и измучен, вот тебе и показалось, что я урод. А теперь со мной почти все в порядке. Только поесть бы не мешало!»

– Конечно, – кивнул Саша, соглашаясь и с тем, что ничего необычного на его глазах не приключилось, и с тем, что поесть бы не мешало. – Пошли, вон там, неподалеку, зоомагазин, купим тебе какой-нибудь сухой корм.

Пес взглянул на него с откровенным отвращением, и Саше почудилось, что тот говорит: «Знал бы ты, из чего делают эту гадость!»

– Нет, ну извини, ну не блины же с мясом тебе покупать, – растерянно пробормотал Саша.

Пес облизнулся.

Саша безнадежно пошарил в карманах. А деньги-то у него уже почти ку-ку...

– Собаку завел? – раздался рядом веселый молодой женский голос. – И правильно. Давно пора!

Саша обернулся.

Рядом стояла их соседка Ангелина Богдановна. Она была уже довольно-таки древней бабушкой с седыми пушистыми кудряшками и морщинистым личиком, однако ее синие глаза и голос были словно у какой-нибудь старшеклассницы. Если судить по этим глазам и по этому голосу, Ангелина Богдановна была в молодости удивительной красавицей.

У Саши тоже были синие глаза, но до синевы, которой светился взгляд Ангелины Богдановны, им было далеко!

– Здравсте! – радостно воскликнул он. – Ангелина Богдановна, мама сказала, что у вас для меня...

– Да-да, – кивнула соседка. – Понимаю, деньги тебе нужны, чтобы Савватистиса твоего накормить.

– Кого? – переспросил Саша.

– Ну пса твоего как зовут-то? Савватистис! – усмехнулась Ангелина Богдановна. – Как же еще?

Саша пожал плечами:

– Пока никак. Я его только что нашел и пока еще не придумал кличку. Но он никакой не этот... как его Сав... тис...

– Тогда как же его зовут, если не Савватистис? – удивилась соседка.

Саша развел руками:

– Ну, я не знаю... Рекс... Пират... Кинг... Мухтар, в конце концов!

– А давай попробуем разные клички называть, – предложила Ангелина Богдановна. – На какую он отзовется, та, значит, и его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.